

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И КАТЕГОРИИ В КОНТРАСТИВНОМ АСПЕКТЕ

Ю. В. Бекреева
Минск, МГЛУ

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ «СУБЪЕКТ-ДЕЙСТВИЕ» В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается проблема семантической репрезентации субъекта в структуре значения динамического глагола в английском и русском языках. Содержание компонента «субъект» определяется на основе системно-функционального принципа. Структура компонента представлена прототипической моделью, что обуславливает отсутствие жесткого ограничения на сочетаемость глагола-предиката с субъектным актантом. Особенностью конкретизации субъекта на уровне глагольного значения является закрепление определенного образа типичного исполнителя через сему прототипического субъекта и/или включение функционально релевантных признаков атрибутивного типа, отражающих психофизические особенности субъекта. Соответственно, в русском и английском глагольном лексиконе выделяются две группы субъектных динамических глаголов: глаголы с субъект-прототипом и глаголы с субъект-атрибутом. В английском языке отдельной подгруппой выделены глаголы с внешним субъект-прототипом, производные по конверсии от наименований субъекта.

В объективной действительности действие не существует как изолированное нечто и осуществляется как функция субъекта. Обозначение действия, процесса в пространственно-временном континууме является частеречной особенностью глагола, поэтому актуальным нам представляется обнаружение концептуальной связи «субъект – действие» на уровне глагольной лексики, в частности, в значениях динамических глаголов, которые составляют ее центральный пласт. Изучение влияния на семантику динамического глагола непроецессуальных признаков, отражающих субъект как неизменного участника ситуации изменения и преобразования действительности, вносит определенный вклад в развитие вербоцентрической теории. В рамках данной теории значение глагола представляет собой «свернутое предложение» – вербализованную когнитивную структуру пропозиционального типа с профилированным процессуальным компонентом [1, с. 340; 2, с. 76; 3, с. 250]. На функциональном уровне данная структура получает развернутое, конкретизированное воплощение. Признаки субъекта, встроенные в структуру значения динамического глагола, обеспечивают синтагматические связи подлежащего и сказуемого в предложении.

Проблема взаимосвязи «субъект – действие» достаточно активно разрабатывается в области семантического синтаксиса и функциональной грамматики. Вместе с тем в научной литературе нет единой методики определения в лексическом значении глагола непроецессуальных компонентов, которые соответствуют элементам семантической структуры глагольного предложения. На примере компонента «субъект» мы предлагаем комплексный, системно-функциональный подход к решению данной проблемы. Сущность систем-

ного принципа определения субъектного компонента заключается в том, что в семантической структуре глагола устанавливаются дифференциальные признаки, определяющие субъект в обозначаемой динамической ситуации действия. Функциональный принцип состоит в том, что в сочетаниях глагола с именами в роли субъекта выделяются актуализированные субъектные признаки, которые обеспечивают синтагматическую (предикативную) связь в предложении-высказывании. Степень релевантности субъектного семантического признака на уровне функционирования глагольной лексемы определяется частотой его актуализации в субъектно-предикатных синтагмах. Применение двухаспектного принципа позволяет установить коммуникативно значимые относительно устойчивые семантические признаки, которые составляют содержание компонента «субъект» в структуре глагольного значения.

Рассматривая проблему репрезентации субъекта, мы затрагиваем актуальный вопрос о статусе сем субъекта в иерархии компонентов значения динамического глагола. Одни исследователи полагают, что семы субъекта относятся к инкорпорированным актантам [4; 5; 6], другие включают их в разряд валентностных сем [7, с. 40–42; 8]; третьи рассматривают семы субъекта с точки зрения коннотации и импликации [9]. В теории семантической валентности мы находим ряд идей, которые, на наш взгляд, требуется развивать в контексте когнитивного подхода к языковым явлениям. В частности, не раз высказывалась мысль о том, что глагольное значение может детерминировать семантическую категорию и референциальные свойства имен, которые заполняют валентностную позицию субъекта [1, с. 89; 9, с. 119; 10; 11, с. 11].

Определение категории субъекта по глагольному значению представлено в ролевой семантике в качестве тета-ролей (тематических ролей) [12; 13, с. 52–55]. Действительно, опираясь на лексическое значение глагола, можно установить функциональную категорию субъекта, например: *дарит даритель, получает получатель* (бенефактив в английской терминологии), *действует деятель* (агнс в узком понимании) и т.д. [12, с. 58]. Выделение тематических классов субъекта направлено на изучение значений имен, которые могут выступать в функции агенса. Идея идентификации субъекта в рамках собственно глагольного значения не получила должного развития в данной концепции.

Большинством исследователей признается ограничительный характер семы субъекта в значении глагола. Знаковой в данном вопросе является диссертационное исследование О. А. Михайловой, в которой семы конкретного субъекта рассматриваются как особый тип лимитирующих компонентов значения [14]. Лимитирующая сема субъекта в данной концепции открывает субъектную валентность глагола, ограничивая его денотативное поле и, соответственно, его сочетаемость с именами в позиции субъекта. О. А. Михайлова распределяет глаголы русского языка по референтно-отражательным классам субъекта: «Человек» (*жениться* – «о мужчине»), «Живой мир» (*порхать* – «о птицах», *жалить* – «о пчеле», *мычать* – «о корове», *колоситься* – «о пшенице»), «Неживой мир» (*барахлить* – «о механизмах», *литься* – «о жидкости»),

тормозить – «о транспортном средстве», *топиться* – «о печке»). По данным системы лимитирующих сем выстраивается «очеловеченная» модель наивной картины мира, подтверждая, таким образом, антропоцентрический характер категории «субъект».

Обращает на себя внимание тот факт, что субъектно-предикатные сочетания являются свободными. Глаголы с конкретизированной семой субъекта сочетаются с левосторонними актантами, которые принадлежат разным семантическим классам. Например, глаголы, обозначающие звукопроизводство животных, сочетаются с именами людей, объектов и абстрактных существностей. Следовательно, положение об ограничительном характере субъектных сем требует пересмотра. Представить новое обоснование фактам включения субъектных сем в состав глагольного значения позволило обращение к теории прототипов, которая опирается на результаты психологических и психолингвистических экспериментов.

Проведя анализ структуры субъектных конкретизаторов (о ком-то, о чем-то) на материале глагольной лексики английского языка и сопоставив полученные данные с материалом русской глагольной лексики из исследования О. А. Михайловой, мы пришли к выводу о **прототипической организации субъектного компонента** в глагольном значении. Данный вывод подтверждают обнаруженные «эффекты прототипичности» в представлении информации о субъекте: употребление классообразующего имени для обозначения субъектного компонента; различение естественных классов при определении субъекта; отсутствие четких границ при определении круга возможных субъектов (частотные пометы *especially, usually, особенно, часто, обычно*); наличие равновозможных вариантов спецификации субъекта (пометы *или, и др., и т.д. etc. and the like*); регулярное указание на типичный субъект из ряда возможных исполнителей действия.

Представление субъекта в глагольном значении через указание на прототипический субъект «допускает вариативность и возможность неполного удовлетворения... заданных в прототипе критериев» [15, с. 30–31]. Выделенная сема прототипического субъекта в дефинициях модели «о ком-либо, о чем-либо» является сложным семантическим микрокомпонентом. С одной стороны, она представляет образ типичного исполнителя действия и относится, таким образом, к денотативному типу смысловых элементов значения. С другой стороны, сема прототипического субъекта подлежит разложению на ряд прототипически значимых семантических признаков, включая признак категориальной принадлежности и признаки, отражающие характерные физические и/или психические свойства субъекта. В данном случае раскрывается ее аналитическая (сигнификативная) часть. Например, в значении глагола *strut* ‘идти с важным, напыщенным видом’ присутствует сема «реасок» ‘павлин’. При мысленном представлении ситуации движения воспроизводится образ движущегося павлина: распущенный хвост, покачивание из стороны в сторону, высоко поднятая голова. При воспроизведении глагола

strut образ прототипического субъекта транспонируется на исполнителя движения, который может и не относиться к категориальному классу «птица». При этом субъект в действии наделяется определенными характеристиками, «объясняющими» способ его движения: «напыщенный», «важный», «надменный», «эффектный».

Образно-аналитический характер семы прототипического субъекта обуславливает специфику включения субъектного актанта в состав значения глагола: **прототипический субъект не инкорпорирован в семантической структуре глагола в полном объеме своего содержания**. В значении глагола закреплены лишь некоторые функционально значимые признаки, выделяемые на основе подобия с образом прототипического субъекта в ситуации действия. Образный характер семы прототипического субъекта подчеркивается ассоциативной связью семантического содержания и формы глагола. Особый способ представления субъекта в значении глагола реализуется на функциональном уровне в регулярной метафоризации субъектно-предикатной синтагмы.

Спецификой прототипического представления субъекта в английском языке является деривационная взаимосвязь субъекта-прототипа и производного глагола в конверсивных парах, например, *a doctor* ‘врач’ – *to doctor* ‘лечить’, *a fox* ‘лиса’ – *to fox* ‘хитрить’. В русском языке глаголы с подобной мотивационной связью «субъект-действие» относятся преимущественно к разговорной лексике: *собачиться*, *шоферить*, *врачевать*. При этом представление о субъекте внутри семантической структуры глагольного значения осуществляется атрибутивным способом по характеризующему признаку. Например, *собачиться* (о ком-то злом, как собака).

При **атрибутивном способе** в значении глагола содержатся атрибутивные семантические признаки, конкретизирующие субъект по его категориальной принадлежности (например, «человек», «животное», «природное явление») и/или по его психофизическим характеристикам (например, «большой», «длинный», «злой»). Исследование позволило выявить данный способ представления субъекта в значении глаголов, не связанных деривационными отношениями. Данная группа глаголов включает номинации узкой семантики, определяющие манеру или способ действия и действия, производимые определенной частью тела. (*limp* и *хромать*, *turtur* и *ворчать*, *assail* и *набрасываться* и др.).

Подводя итог, отметим, что субъектные динамические глаголы в русском и английском языках делятся на две группы по способу представления субъекта в глагольном значении – прототипному и атрибутивному. В английском языке группа глаголов с прототипным способом репрезентации субъекта включает подгруппу **глаголов с внутренним субъект-прототипом**, в значении которых субъект определен по модели «о ком-либо, о чем-либо» (например, *bark* ‘лаять (о собаке)’, *gallop* ‘мчаться (о лошади)’), и подгруппу **глаголов с внешним субъект-прототипом**, производных от имен деятеля

(например, *to dog* ‘преследовать (как пес)’, *to pilot* ‘пилотировать’). Прототипный способ конкретизации субъекта глаголов с внешним субъект-прототипом отличается тем, что образ прототипического субъекта закреплен в морфологической форме глагола и в структуре глагольного значения представлен семантическими признаками атрибутивного типа, которые отражают функциональное подобие с субъектом-прототипом. Группа *глаголов с субъект-атрибутом* включает номинации, в которых связь «субъект-действие» выражена через импликацию отдельных семантических признаков, отражающих психофизические особенности субъекта и обуславливающие особый способ исполнения обозначенного действия (например, «агрессивный» в значении *assail* ‘атаковать’ или «старый, слабый» в значении *totter* ‘ковылять’). Данная группа глаголов относится к периферии лексико-семантического поля субъектных глаголов, представленных в системе как русского, так и английского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 384 с.
2. Болдырев, Н. Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты / Н. Н. Болдырев. – 2-е изд. – СПб. : URSS, 2009. – 165 с.
3. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 653 с.
4. Анохина, М. А. Семантическая инкорпорация как один из способов реализации когнитивной модели глагола (на материале английского языка) / М. А. Анохина // Ползуновский вестн. – 2006. – № 3. – С. 73–82.
5. Мерзлякова, Л. В. Семантическая структура глаголов современного английского языка с инкорпорированными актантами : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Л. В. Мерзлякова. – Ленинград, 1986. – 177 л.
6. Сентенберг, И. В. Динамический аспект лексической семантики английского глагола : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / И. В. Сентенберг. – Волгоград, 1991. – 387 л.
7. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высш. шк., 1981. – 184 с.
8. Гак, В. Г. Номинация действия / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Модели действия : сб. ст. / ред.-сост. Н. Д. Арутюнова. – М., 1992. – С. 77–83.
9. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (Принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 239 с.
10. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности / С. Д. Кацнельсон // Вопр. языкознания. – 1977. – № 2. – С. 20–23.
11. Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложения / Э. В. Кузнецова // Классы глаголов в функциональном аспекте : сб. науч. тр. / отв. ред. Э. В. Кузнецова [и др.]. – Свердловск, 1986. – С. 4–18.

12. *Апресян, Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1967. – 252 с.
13. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 608 с.
14. *Михайлова, О. А.* Ограничения в лексической семантике русского слова : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / О. А. Михайлова. – Екатеринбург, 1998. – 270 л.
15. *Филлмор, Ч.* Об организации семантической информации в словаре / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14 : Проблемы и методы лексикографии. – С. 52–92.

The article focuses on the problem of subject representation in the meaning of English and Russian dynamic verbs. Two ways of representation are distinguished – through a prototype subject incorporated in a concrete seme and through attributive characteristics of a subject presented as differential semantic features. In the English lexicon a special group of verbs, derived from names of a doer, is singled out as verbs with outer subject prototype.

Z. G. Borbély

Budapest, Balassi Institute

MEANS OF CONVEYING ENGLISH PASSIVE STRUCTURES INTO HUNGARIAN

Рассматриваются способы передачи английских пассивных конструкций на венгерский язык, в котором отсутствует понятие «страдательный залог». Такие способы предполагают использование бессубъектных структур венгерского языка, включающих причастие в функции обстоятельства и вспомогательный глагол. Приводятся примеры бессубъектных структур на венгерском языке.

Ways of conveying English passive structures into Hungarian is an actual problem in the translation process when we face English texts. Interpreting is a huge industry, texts should be consequent and correctly translated, and the interpreters need exact rules to follow, what makes the work efficient and economical.

But there are two main reasons, why it is worth to talk about passive in Hungarian: on the one hand, there is the expectation of quality work by interpreting, and on the other hand, it is a necessity in every language to use impersonal constructions if the speaker wants to stress the object of the action, and not the doer. And here arises a problem as Hungarian does not have the notion of a passive voice

In general, how is it possible to avoid specifying the agent? There are two main opportunities to do that (table 1).